

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

Глазов Дмитрий Алексеевич

кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры квантовой механики
Санкт-Петербургского государственного университета

**РИТМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ
И РЕАЛЬНОСТЬ ПРОИСХОДЯЩЕГО**

Аннотация:

Статья посвящена анализу ритмической организации повседневности. Ритмическая организация повседневности раскрывается через понятия герметичности, мифа и сакрального. Связь мифа и сакрального обнаруживается через понятие действительности, мифа и повседневности – через понятие возможности.

Ключевые слова:

ритмическая организация, повседневность, субъективность, смысл, сакральное, герметичность, дискурс, миф.

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy, Senior Lecturer,
Ontology and Theory of
Knowledge Department,
Saint Petersburg State University

Glazov Dmitry Alekseyevich

PhD in Physical and Mathematical Sciences,
Assistant Professor, Quantum Mechanics Department,
Saint Petersburg State University

**RHYTHMIC ORGANIZATION OF
EVERYDAY LIFE
AND THE REALITY OF EVENTS**

Summary:

The article deals with the rhythmic organization of everyday life. The rhythmic organization of everyday life is considered in the context of integrity, myth and the sacral. Correlation of the myth and the sacral is found in the concepts of reality, myth and everyday life, as well as in the concept of possibility.

Keywords:

rhythmic organization, everyday life, subjectivity, meaning, sacral, integrity, discourse, myth.

Ритмическая организация повседневности, задающая притяжение и отталкивание взгляда, поставляющая подручную предметность, определяющая режимы актуальности и порядки осуществления и выполнения деятельности и задаваемая порядком дискурсивных практик, предписывающих предметности способы ее данности и даже сам факт данности как таковой, а субъекту – способы работы с этой данностью, образует своеобразное герметичное пространство. Распадение этого пространства, сопровождающееся выделением человека из порядка предметности и заметностью самой предметности как расходящейся со стратегиями и практиками работы с ней, обнаруживающей себя в некотором нередуцированном к тому или иному порядку поле недифференцированной предметности, оказывается тем, что разрушает как ритмику происходящего, так и ритмику реализации субъективности.

В этом процессе сходятся герметичность порядка дискурсивных практик, чередующиеся ряды сменяющегося в повседневности иного, сакральность (то есть определимость через наполняющее), предметность и трансформирующееся вместе с происходящим мифологическое пространство. Раскрывающаяся в этих четырех рубриках ритмика происходящего в собственном исполнении или прерывании позволяет разделить пред- и постсобытийность.

Событие как граница, по отношению к которой выстраивается ритмическая организация повседневности, оказывается тем, что смыкается со смысловыми структурами в отношении как предполагаемого основания порядка (предсобытийность), так и разработки и установления нового порядка (постсобытийность) [1]. Событие оказывается первым откровением сакрального, задавая некоторую новую точку, не принадлежащую порядку дискурсивных практик, не развернутую еще в поле предметности и не обнаруживаемую в нем. «Что же такое идеальное событие? Это – сингулярность или, скорее, совокупность сингулярностей, сингулярных точек, характеризующих математическую кривую, физическое положение вещей, психологическую или нравственную личность. <...> Она (сингулярность – И.М., Д.Г.) существенным образом до-индивидуальна, нелична, аконцептуальна. Она совершенно безразлична к индивидуальному и коллективному, личному и безличному, частному и общему – и к их противоположностям. Сингулярность нейтральна. С другой стороны, она не “нечто обыкновенное”: сингулярная точка противоположна обыкновенному» [2, с. 80].

Сакральность события не может быть удержана иначе как в различении смыслов самого события, то есть в постсобытийности. Именно постсобытийность имеет в отношении события преимущество и приоритет по отношению к предсобытийности: событие как точка сингулярности переопределяет другие точки сингулярности, становится способом доступа к ним, тем, в чем они преломляются и раскрываются заново. В этом смысле событие оказывается тем, что возвращает к иным событиям, словно подчиняясь лейбницевскому принципу всеобщей связи [3], то есть нивелируя различие между сингулярностью и совокупностью сингулярностей [4]. Иными словами, пред- и постсобытийность находятся не в хронологическом, но в топологическом отношении друг к другу: заметность происходящего, предметность, с которой мы имеем дело, фиксация и выделение существенного, удержание смысла сакрального предполагают (пусть и в смутном виде) событие, с которого начинается отсчет их возможности, выведение их к явленности, способ сборки и установление порядка.

Серия (совокупность) сингулярностей есть сеть, распространяемая на предметность, осуществляющая экспансию, в ходе которой предметность переопределяется, истолковывается, присваивается, обрывается обстоятельствами и отношениями, приобретает черты и образы порядка, лежащего в основании способов ее проявления, фиксации, данности. Здесь предсобытийность смыкается с постсобытийностью: уточнение, различение, дифференциация смысла имеет в качестве условия порядок возможного, то, в направлении чего ведется разыскание. Это не означает, разумеется, что поле возможностей остается неизменным, напротив, ревизия возможностей оказывается тем, что концептуализирует проблематическое поле: «События можно обсуждать только как сингулярности, развернутые в проблематическом поле, в окрестности которого происходит отбор решений» [5, с. 85].

Поле возможностей в таком случае обнаруживает, в соответствии с разработанной еще Г.В. Лейбницем интерпретацией, два типа схождения: в качестве способа связи внутри поля (принцип всеобщей связи) и в качестве соположенности различных полей (концепт возможных миров) [6]. Первое схождение предполагает дальнейшую дифференциацию в действительном (через понятия рядоположения возможностей, их исключения или следования друг за другом). В свою очередь, второе схождение ведет к обнаружению инвариантов, которые служат принципами устройства поля возможностей (принцип достаточного основания, математические истины и т. д.), устанавливая порядок необходимости. Таким образом, можно констатировать, что сакральность события через различение собственных смыслов ведет к такой ревизии поля возможностей, которая обнаруживает связь, смыкает в этом поле порядок возможностей с порядками действительности и необходимости.

Разбирательство с полем возможности означает в таком случае, во-первых, представление всего предметного поля через порядок возможного: то, что открывает событие, та совокупность сингулярностей, которую оно устанавливает, которая переопределяет проблематическое поле; во-вторых, принципиальную осуществимость (возможность) дифференциации, трансформации и тиражирования смысла: событие через собственную отстраненность от происходящего, обнаружение точки, не принадлежащей пространству наличествующей предметности, меняет сам порядок, предписывающий предметности способы ее проявления. В таком случае исходный (сакральный) смысл события требует собственной дифференциации в направлении переопределенного проблематического поля, трансформируется через экспликацию в различных возможностях и тиражируется на получающую собственное определение и способ проявления предметность.

Связь порядка возможностей с порядком действительности приводит к такой модели действительности, в которой в каждой точке этой действительности может быть внесена определенность, но эта определенность никогда не является ни финальной, ни предельной, более того, ей всегда может противостоять другая определенность. При этом такая модель действительности распадается в серию моделей, находящихся друг с другом в различных отношениях включения, исключения, соподчинения и т. д. Именно фундированность различных моделей действительности в порядке возможностей, задаваемых событием, и позволяет говорить об одном (целостном) Порядке, в котором предметность различного рода имеет место, а сами возможность и действительность обнаруживают характер модальных разграничений при работе с ней (предметностью). Связь возможности и действительности в таком случае позволяет представить начавшееся с Платона различение смысловых определенностей [7], разработанную Лейбницем концепцию возможных миров [8] и представление возможности и действительности как бинарной категориальной оппозиции реальности и необходимости Н. Гартмана [9] как единое движение экспликации способов работы с предметностью.

В таком случае оказывается возможным прочертить изменение ритмики происходящего при переходе от сакральности события к повседневности. Постсобытийность, предполагающая различение смыслов, удерживающих событие, задает и дифференцирует поле возможностей, которое через уточнение смысловых определенностей распространяется на все поле предметности, образуя различные модели и конфигурации действительности. Фундированная порядком

возможностей действительность задает мнимую определенность предметности, которая предстает как подручная, освоенная, привычная, подлежащая истолкованию и наследующая, а значит, могущая предъяснить свою укорененность в событии, своеобразное метрическое свидетельство собственной данности. Трансформация связи возможности и действительности в модальные характеристики предметности позволяет, с одной стороны, формализовать и выявить порядки процедур, необходимых для работы с предметностью, то есть означает переход от смысловых определенностей к собственным определенностям [10], что отсылает к понятию необходимости. С другой стороны, формирует уже не сакральное, но мифологическое пространство, эпифеноменом которого в таком случае и является повседневность. Изменение ритмики происходящего, таким образом, задается переходом от постсобытийности к предсобытийности, что отсылает нас к раскрывающейся в событии реальности происходящего.

Связь порядка возможности с порядком необходимости выстраивается через условия возможности, инварианты, обнаруживаемые в Порядке, связывающем возможность и действительность. Отношения между условиями в отличие от отношений между самими возможностями оказываются не однопорядковыми, они иерархизированы, соподчиняются друг другу, не мыслятся как простое соединение. Отсюда движение к тому, что не может быть иначе. Именно это оказывается условием любой возможности, нужно найти нечто, что применительно к возможности окажется тем, без чего она в принципе (весь спектр возможностей) не мыслима. Проблема здесь будет заключаться в том, что переход от условий возможности к порядку необходимости – переход совершенно органичный и автоматический, проблема в обратном переходе. Никакой порядок рациональной аргументации не приведет обыденное сознание к пониманию, никакой порядок аргументации не позволит прорваться к смыслу, никакой порядок аргументации не даст доступа к сакральному пространству, сингулярной точке события.

Порядок необходимости в таком случае оказывается тем, что в качестве условия фундаментирует действительность. Необходимость – то, без чего нет возможности и без чего поле действительности недействительно. Иными словами, порядок необходимости обеспечивает герметичность связи возможности и действительности, то есть герметичность того мифологического пространства, эпифеноменом которого является повседневность. Связанность герметичности, мифа и повседневности позволяет, с одной стороны, констатировать укорененность этой связи в событии, принципиальную возможность переопределения поля предметности, доступ через разрушение ритмики происходящего к реальности. С другой же стороны, эта связанность оказывается свидетельством того, что для повседневности связки «возможность – действительность – необходимость» достаточно. Движение от постсобытийности к предсобытийности оказывается движением последовательного разрушения события, нивелирования его смысла, утраты реальности происходящего. Такое движение прерывается только событием, возвращающим, как отмечалось, включающим в себя утраченные событийные горизонты. При этом событие оказывается тем, что не гарантировано в собственной спонтанности, что выставляет перед нами требование готовности к событию, которое в таком случае может быть конкретизировано как требование переключения режима предсобытийности на режим постсобытийности.

Ссылки:

1. Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. 184 с.
2. Hartmann N. *Möglichkeit und Wirklichkeit*. Berlin, 1938. 330 s.
3. Лейбниц Г.В. Рассуждение о метафизике // Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. Т. I. М., 1982. 636 с.
4. Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011. 472 с.
5. Там же. С. 85.
6. Бадью А. Указ. соч.
7. Hartmann N. Op. cit.
8. Лейбниц Г.В. Указ. соч.
9. Hartmann N. Op. cit.
10. Мавринский И.И., Шутова Т.Н. Способы внесения определенности: смысл и данность // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16.

References:

1. Badiou, A 2003, *Manifesto philosophy*, St. Petersburg, p. 184.
2. Hartmann, N 1938, *Möglichkeit und Wirklichkeit*, Berlin, p. 330.
3. Leibniz, GV 1982, 'Discourse on metaphysics', *Leibniz GV Compositions*: in 4 vols., vol. I, Moscow, p. 636.
4. Deleuze, G 2011, *Logic of Sense*, Moscow, p. 472.
5. Deleuze, G 2011, *Logic of Sense*, Moscow, p. 85.
6. Badiou, A 2003, *Manifesto philosophy*, St. Petersburg, p. 184.
7. Hartmann, N 1938, *Möglichkeit und Wirklichkeit*, Berlin, p. 330.
8. Leibniz, GV 1982, 'Discourse on metaphysics', *Leibniz GV Compositions*: in 4 vols., vol. I, Moscow, p. 636.
9. Hartmann, N 1938, *Möglichkeit und Wirklichkeit*, Berlin, p. 330.
10. Mavrinskiy, II & Shutova, TN 2015, 'The methods of making uncertainty: the meaning and reality', *Theory and practice of social development*, no. 16.